

МАРК ШТЕЙНБОК

Красная комната

подъездов нашего огромного 24-подъездного четырехэтажного дома, а потом подрабатывала прачкой. Маме давали очень много белья на стирку, у нее были золотые руки. Я помню ее постоянно стирающей в тазу, стоящем на табуретке посередине трехметровой кухни.

— *Как же в такой атмосфере вы раскрыли в себе любовь к красоте?*

— Неловко говорить, но, видимо, какая-то миссия мною получена свыше. Иначе невозможно объяснить, как могло в том маленьком загаженном дворе, в той жуткой жизни пробудиться во мне это чувство прекрасного... Ну и, конечно, огромную роль сыграла мама. Оставшись без мужа, она безумно страдала, ее нежная, трепетная, романтическая душа не была никем востребована. Но она всячески старалась погрузить меня в ту атмосферу, в которой ей самой, к сожалению, не удалось оказаться. Она приобщала меня к природе, к литературе — читала мне русскую классику. Мы с ней вдвоем устраивали певческие вечера. Ма-

ма была очень артистична, а у меня был прекрасный голос, меня ставили запевалой во всех хорах. А еще мама приучала меня к порядку, к чистоте. В нашей крошечной комнатке всегда были накрахмаленные занавески, пододеяльники, салфеточки на комод, вышитые моими руками подушечки. Мама всегда мечтала о девочке и меня научила всем девчачьим делам, вышиванию в том числе. И я с удовольствием этим занимался.

— *Мальчишки вас за это не осуждали?*

— А я с девочками дружил. А из мальчишек у меня был единственный настоящий друг Левка, да еще двое приятелей, с которыми мы пели в хоре. В общем, всю женскую работу по дому я умел делать. В семь лет самостоятельно готовил, убирал, стирал. И по сей день делаю это великолепно. Так вот все у нас дома было белоснежное, хрустяще чистое. И это было по-настоящему прекрасно. Помню зимой развешанное белье. Мама попросит: «Славка, сбегай, сними белье». Я выбегал из подъезда, замерзая, срывал

с веревки прищепки, хватал белье. Оно ломалось, хрустело. Я нес его, вдыхая этот свежий аромат. И у меня сохранилось ощущение этой удивительной прозрачности, чистоты и белизны... Вот почему я до сих пор окружаю себя белым цветом. Это память о маме.

— *И все же почему вы — паренек из фабричного «города невест» — оказались в мире моды?*

— Среди жуткой нищеты, воровства, хулиганства я был как белая ворона. Я блестяще окончил семилетку, потом поступал в индустриальный техникум, в летное училище, затем — в музыкальное. Но из-за того, что я числился сыном изменника Родины, меня никуда не принимали. Единственное место, куда мне удалось попасть, — это отделение прикладного искусства химико-технологического техникума. Я окончил его художником по тканям. Как единственного студента в техникуме, сдавшего экзамены на «пятерки», меня направили в Москву, в текстильный институт. Первые